

Союз за гранью совершенства / A More Perfect Union (рассказ)

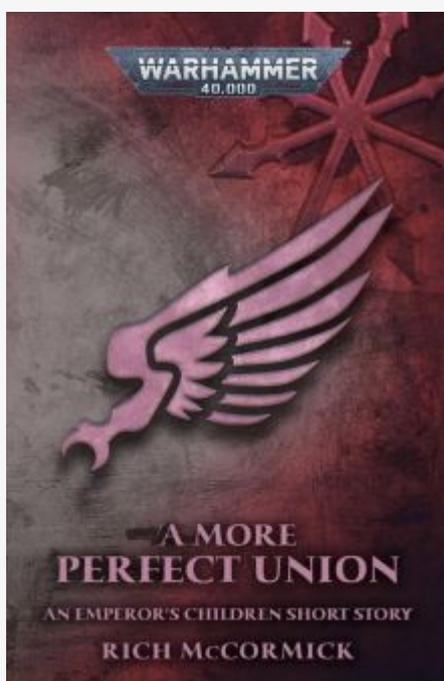
Перевод коллектива "Warhammer: Чёрная Библиотека"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Союз за гранью совершенства / A More Perfect Union (рассказ)

Автор	Рич Маккормик / Rich McCormick
Переводчик	jstillborn
Издательство	Black Library
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Душа пылает все ярче, затмевая остальные, и в то же время приближается, пока не удастся различить

заключенное внутри нее бесчисленное множество меньших огоньков. Даже во мраке видно, как они перемигиваются, напоминая крошечную галактику.

Палец пару раз щелкает по стеклу, и женский голос произносит: «Лети сюда, мое созвездие, я покажу тебе такие удовольствия, о которых ты не могло и мечтать».

Все началось, как обычно. Планета называлась Гармония. Подходящее название. В небе, словно живые, клубились розовые завихрения и лиловая дымка, над бирюзовым горизонтом плыли слоистые жемчужно-белые облака. Прекрасное зрелище, испорченное надвигающейся катастрофой.

На планету медленно падал фрагмент чистой ненависти, призванный из пустоты и брошенный против Города Гимнов и его вопящих шпилей, возведенных во славу Детей Императора. Фиолетовые небеса вспенились, почернели, словно синяк, а затем полностью скрылись.

Ксантин поднял голову и вперил взгляд в явившуюся из космоса темную массу размером с город, окруженную ореолом желтого пламени. Черная с золотым громада сулила неминуемую гибель.

Кора планеты задрожала, и башни — памятники излишествам, одержимости, красоте — обрушились. Обломок лилового мрамора, отполированный до идеального блеска, рухнул поперек тела Ксантина. Воин оказался придавлен к земле, как приколотое иглой насекомое.

Вдруг он почувствовал, как кто-то потащил его за подмышки. Мягкое касание, сродни прикосновению шелка к коже, развеяло боль в ногах. Чьи-то нежные руки подняли его над землей.

— Ксантин. Пора уходить, — произнес чей-то голос.

«Уходить? Куда?» — подумал воин. Ноги сломаны. Небо исчезло. Где найти укрытие?

Его снова кто-то потянул — в этот раз сильнее. Ксантин опустил взгляд: руки в пурпурной броне обхватили его и поставили на ноги.

— Ксантин.

Он вновь посмотрел на то, что явилось уничтожить его легион.

«Ксантин», — позвал новый, незнакомый голос. Теперь воин ковылял вперед, опираясь на локоть своего спасителя. Ксантин не мог слышаться: тихий оклик, едва различимый на ветру, каким-то образом перекрыл предсмертные вопли города.

В голосе звучала боль, и тоска, и затянувшееся ожидание. От накатившей из тьмы волны наслаждения у Ксантина в основании шеи забегали мурашки.

«Ксантин!» Третий оклик оказался не таким благозвучным — грубый, металлический, брызнувший на лицо россыпью холодных брызг. Ксантин открыл глаза и облизал распухшие губы, ощутив на длинном языке сладковатый привкус.

Вино из перилимфы — прекрасно выдержанное, к тому же. Столь качественный продукт мог принадлежать лишь одному существу на борту корабля — Эйфоросу, предводителю Детей Мучений, обладателю высшей власти на борту фрегата «Назидание». Ксантин собрался с мыслями и открыл свои

бирюзовые глаза.

— Давно ты не заходил в мою спальню, повелитель, — сказал он, прикрыв наготу фиолетовым плащом, и с грацией хищника поднялся во весь свой внушительный рост.

Эйфорос стоял в центре покоев, вперив в Ксантина немигающий взгляд черных зеркальных глаз, глубоко посаженных на морщинистом воспаленном лице.

— Воистину так, Ксантин, мой милый мальчик, — оскалил военачальник растянутую от уха до уха пасть, полную острых клыков.

Доспех Эйфороса подвергся серьезным модификациям и далеко отошел от изначальной формы. Ныне его украшали шипастые гребни, гравировки, изображающие разнообразные непристойности, и золотые кисти. Лишь несколько бронепластин остались пурпурными и перламутровыми — остальные перекрасили в черный.

Когда-то все было иначе. Ксантин помнил Эйфороса гордым воителем III легиона, кто попытался своими силами выстоять после уничтожения Гармонии, имея в своем распоряжении лишь горстку осиротевших Детей Императора, сумевших спастись из-под завалов города-крепости. И какое-то время военачальнику сопутствовала удача — Эйфорос вместе с Ксантином учинили множество грабежей и налетов на окраинах субсектора Чинчара.

Ныне же, когда Черный Легион одержал безоговорочную победу в рабских войнах, Абаддон, безжалостный к своим старым врагам, никогда не прекратил бы преследовать и терзать банду Эйфороса, пока ее воины носили имперский пурпур Третьего. И потому военачальник совершил немыслимое — отринул верность Детям Императора и примкнул к тем почитателям Младшего бога, кто решили связать свои судьбы с Абаддоном, приняв цвета Детей Мучений. Ксантин презирал его за это.

— Итак, мой господин, зачем же ты пришел сейчас?

— Мне тебя не хватало, — с преувеличенной теплотой ответил Эйфорос. — То есть нам, — добавил он и указал на громадную фигуру за своей спиной, стоящую ближе к резным дверям опочивальни.

Вависк, бывший капитан 37-й роты Детей Императора, ныне шумовой десантник Детей Мучений, склонил голову.

— Приветствую, брат, — проскрипел он.

Голос Вависка шел из вокс-решетки, хоть воин и не носил шлема — аппарат из сверкающего металла врос в остатки рта после долгих тысячелетий, проведенных в варпе. Взамен потерянному органу на шее у Вависка раскрылась россыпь крошечных пастей. Они разевались вроде бы в случайном порядке: нашептывали обещания, пробовали воздух толстыми короткими языками.

— Если на чистоту, Ксантин, у нас гости, — продолжал Эйфорос, прохаживаясь по пышно украшенному залу. Густой ковер заглушал его тяжелые шаги. — Прямо сейчас в систему заходит крейсер Черного Легиона «Расколотый клинок» с координатами неизведанного мира чужаков, на чьи богатства уже наложил руку Труп-Император.

Говоря, он энергично жестикулировал: вращал длинными пальцами и театрально вскидывал руки. Сервоприводы его разубранного доспеха мелодично гудели при каждом взмахе.

— В крестовом походе Абаддона мы выступали на вторых ролях, но все равно стяжали великую славу.

Наконец-то справедливость восторжествовала — мы, совершенные воины, добились заслуженного признания, и теперь наши соратники из Черного Легиона лично явились к нам, чтобы принять в свои ряды. — Эйфорос развернулся, его черные глаза блестели. — Когда-то мы были братьями Детям Императора, первыми среди равных в бесподобном легионе нашего отца, и я даю вам шанс вновь стать частью чего-то большего — занять принадлежащее нам по праву место на острие Абаддонова войска, утолить наши желания, воюя подле магистра войны как полноправные воители Черного Легиона.

Ксантин понял, что его поставили перед фактом. За пафосом и театральщиной он разглядел скрытую суть. Какой еще выбор Эйфоросу оставался? Учитывая нехватку людей и ресурсов, его банда со временем просто бы вымерла, пораженная тем же недугом, который едва не погубил Детей Императора на заре их создания. Эйфорос предпочел ловить случайные капли наслаждения, нежели вновь заполнить опустевшую чашу.

Ксантин промолчал. Его командир вздохнул и снова принялся расхаживать по залу, демонстративно разглядывая разбросанный по полу хлам. Эйфорос поддел бронированным сабатом гору разнообразных склянок, сваленную у оружейного стола — все без крышек и совершенно пустые. Воин наклонился и поднял одну с пола. На краях керамической, отделанной рунами банки белел иней. Эйфорос вновь обратил взгляд своих непроницаемых глаз на Ксантина.

— Чего ты желаешь, Ксантин?

Тот ненадолго задумался. Наслаждений. Славы. Мести! Воин зажал язык меж заостренных зубов и прикусил. Рот наполнился густым вкусом крови.

— Служить тебе, мой господин.

Эйфорос помолчал мгновение, а затем хлопнул в ладоши, звонко лязгнув золотыми когтями над полированным нагрудником.

— Прекрасно. Прекрасно! После стольких перемен ты остаешься моим вернейшим слугой. Напрасно я беспокоился. Кое-кто по секрету нашептал мне, что ты чересчур потворствуешь своим... — он взглянул на пустые склянки, — своим пристрастиям.

— Это не так, повелитель, — ответил Ксантин, ощутив, как душа его трепещет от воспоминаний об излишествах прошлой ночи. — Мимолетное развлечение, не более.

— Великолепно! — взвизгнул Эйфорос. — Прекрасно. Я очень ценю тебя, Ксантин, — продолжил он вкрадчивым тоном. — Как и ты меня, должно быть, ибо я твой командир, твой защитник. — Он выдержал драматическую паузу, позволив сказанному повиснуть в воздухе: — Твой спаситель.

Сначала Ксантина поставили перед фактом. Теперь дело дошло до угроз.

— Я помню Город Гимнов, мальчик мой. Я вытащил тебя из-под его обломков, я подарил тебе дом, я спас тебе жизнь. Ты живешь, видишь, пробуешь, ощущаешь. А прошлое мертво — его наслаждения испиты, его цвета потускнели. Будущее!.. — Эйфорос выставил вперед руки, будто созерцая некое величественное зрелище: — Ах! Будущее прекрасно. А в союзе с Абаддоном вся красота Галактики станет блюдом на нашем пиру.

Не дожидаясь ответа, предводитель банды развернулся на украшенных шпорами каблуках и вышел из зала, позвякивая и подвывая доспехом.

Вависк остался.

— Будущее! — хохотнул Ксантин. — У нас нет будущего, пока отребье Абаддона держит нас на поводке.

Шумовой десантник сохранял молчание — насколько это было возможно для такого создания, как он. В глубинах тела воина гудело эхо, а рты на горле беспрестанно шлепали и цокали своими крошечными губами. «Предатель», — будто бы прошептали они.

Ксантин подошел к оружейному столу и развернул покоящийся на нем доспех. В прошлом пластины были выкрашены в королевский пурпур — цвет рыцарей, цвет властителей. Цвет императоров. Теперь же его сменили черный и золотой. Цвет золы, оставшейся от сожженного города. Цвет пламени, знаменующего конец света.

— Пойдем, Ксантин, — басовито прогудел Вависк, его голос гулко отдался в стенах роскошной опочивальни. — Наш легион ждет.

— Наш легион мертв, — фыркнул Ксантин. — А мы идем в услужение его убийцам.

Вависк снова поклонился и вышел, оставив Ксантина наедине с доспехом.

Когда-то здесь располагалась обзорная палуба, откуда космические десантники Детей Императора наблюдали за звездами, которые им предстояло завоевать. Теперь же этот зал на борту звездолета, нареченного «Назиданием», называли Живым музеем.

Иллюминаторы завесили тяжелыми засаленными шторами и гобеленами, дублеными звериными шкурами и кожей всех видов живых существ. Через равные промежутки на стенах красовались огромные кошмарные пейзажи, кишасшие паукообразными демонами, и ростовые портреты — на некоторых картинах к пестрым холстам были пришиты все еще живые тела.

На одном из полотен, изображавшем падение альдари, висело три представителя этой древней расы с переломанными под неестественными углами конечностями. Их тела были сшиты друг с другом в непристойной позе, а над ними вздымался рогатый образ Слаанеш, Младшего бога, написанный топленным человеческим жиром и иными неопишуемыми жидкостями. С лиц альдари, лишенных нижних челюстей, тарасились в бессловесном страдании миндалевидные глаза.

Другая живописала события Осады Терры и деяния Детей Императора после высадки на поверхность планеты. С тех пор как Эйфорос принял решение стать частью Черного Легиона, картину кое-как завесили, но некоторые фрагменты все равно остались на виду. Изображение неким таинственным образом сохранялось в жидком состоянии: вязкая серо-розовая масса беспрестанно шевелилась, движимая тысячами плененных душ. Из глубин картины к поверхности всплывали лица, разевающие беззубые рты, и тут же лопались с болезненным бульканьем.

В центре зала протянулся помост на колоннах из пронизанных венами мышц, которые при необходимости сокращались и вытягивались, чтобы лучше продемонстрировать зрителям всякого на нем находившегося. Стоя на вершине этого помоста, Эйфорос окинул выпученными, лишенными век глазами всех собравшихся перед ним постлюдей: одни почивали на кушетках с мягкой обивкой из человеческого волоса и кожи ксеносов, другие сбились разрозненными группами, оттачивая затейливые фехтовальные приемы ради развлечения соратников. В сплошном море угольно-черных с золотым доспехов тут и там пестрели бледно-розовые, бирюзовые и глянцеви́то-пурпурные бронепластины.

Войдя в Живой музей и увидев старые цвета: яркие островки среди непроглядного мрака, свет, пожираемый тьмой, словно еще недавно цветущий организм, гибнущий от неизлечимого рака — Ксантин с горечью вспомнил свое славное прошлое. Воин оглядел собрание и зашагал к Карану Туну.

— Приветствую, сводный брат, — сказал Тун, когда Ксантин остановился рядом. — Приходи поскорее в мою библиотеку. Я добыл несколько новых угощений, которые наверняка тебя заинтересуют.

Оккультист по призванию, Несущий Слово целиком посвятил себя поиску и изучению новых форм нерожденных. По долгу прошлой службы Карану не раз приходилось сражаться против Детей Мучений, однако, потворствуя своим наклонностям, он вскоре осознал, что имеет гораздо больше общего с искателями чувственных ощущений под предводительством Эйфороса, нежели с собственными угрюмыми, распеваящими молитвы братьями-аскетами. Похоже, Каран Тун без каких-либо возражений принял переход Эйфороса на сторону Черного Легиона, заручившись обещанием времени и места, чтобы без помех заниматься своими трудами, и добровольцев-подопытных, нужных ему для дьявольских опытов.

К Туну и Ксантину присоединился третий — существо, на голову выше обоих. Баронет, как теперь называли этого воина, технически все еще оставался космодесантником, однако радикальные трансформации стерли всякую память о его истинном имени. Его тело обросло жиром до такой степени, что более не влезало в силовой доспех — розовый живот грузно трепыхался в такт дыханию над килтом из шелка и кожи, скрывавшим массивные ноги. Громадный торс воина венчала безволосая голова с широкой пастью, растянутой в вечной сардонической улыбке, как будто вся Галактика казалась ему невероятно забавной. Из всех удовольствий Баронет более остальных предпочитал убийства и пытки.

— Мои бесподобные братья, — начал Эйфорос, упиваясь всеобщим вниманием присутствующих воинов, — мы собрались сегодня по радостному поводу, знаменующему наш очередной шаг к совершенству. Сегодня мы вольемся в главные силы славного крестового похода Абаддона и атакуем планету, ранее неизвестную даже магистру войны — Каллиопу, временно занятую отродьем доброго друга нашего отца, Железными Руками. Магистр войны оказывает нам честь опрокинуть имперских холуев, взять их крепость и завоевать трофеи.

Эйфорос воздел руки в сторону дальнего конца зала.

— Узрите Черный Легион.

Ослепленные рабы раздвинули необъятный занавес, и в Живой музей промаршировал десяток воинов-постлюдей в черных с золотым доспехах Абаддонова легиона.

Во главе шествия вышагивал гигант с изуродованным лицом, облаченный в вычурно украшенную терминаторскую броню. Надбровную дугу и нос, начисто снесенные чьим-то чудовищным ударом, заменила аугметика. В центре месива над блестящими металлическими зубами, торчащими из остатков нижней челюсти, рдела единственная красная линза. В руке воин нес боевой молот на длинной рукояти, оголовье которого ярко светилось, будто раскаленное сдерживаемой внутри некой inferнальной силой. Грузно топая вперед, он оглядывал мерцающим глазом Детей Мучений и демонстративно пышную обстановку Живого музея, на фоне которой резко выделялся своим сугубо утилитарным обликом.

Этого варвара Ксантин видел впервые, а вот его компаньона узнал сразу, как только тот вошел под своды зала. Высокий воин гарцевал подпрыгивающей походкой, каждый его шаг сопровождался рыком, скрежетом и шипением сервоприводов. На его угольно-черном шлеме колыхался пышный плюмаж из экзотических перьев, крашенных волос и обрезков дубленой кожи, ниспадавший на силовой ранец.

Ксантин процедил имя воина еще до того, как тот снял шлем. Перед Эйфоросом, сверкая золотистым лицом, с виду незатронутым пагубным влиянием варпа, стоял Эпиал Кир.

— Твой брат? — спросил на ухо Каран Тун.

— Когда-то был, — пробормотал в ответ Ксантин.

Кир служил в 37-й роте Детей Императора, но бежал из Города Гимнов задолго до того, как под яростью «Тлалока» крепость превратилась в груды стекла и пепла, а позднее объявился в войске Абаддона, пока его старый легион зализывал раны. Ксантин не мог не увязать оба события друг с другом.

По всей видимости, Кир высоко поднялся с тех пор, как облачился в черное с золотом, хотя стало очевидно сразу, кто из гостей предводительствовал. Чудовище в терминаторском доспехе, напрягая огромные ноги, взгромоздило свою закутанную в меха тушу на помост и остановилось подле Эйфороса, тогда как Кир со свитой остался внизу.

— Дети Мучений, — мелодично воскликнул Эйфорос, — приветствуйте славного Горенна, избранного Абаддона!

Исполин оглядел собрание непроницаемым взглядом единственной аугметической линзы.

Эйфорос продолжал:

— В ответ на великодушное позволение насладиться видами и звуками резни мы преподнесем нашему гостю соразмерный дар. Сегодня мы проведем Мару Скара — идеальный маневр, которым славиться Третий, — Эйфорос избегал произносить вслух название легиона перед новоприбывшими, что не укрылось от Ксантина, — и сокрушим жалких прихлебателей нашего коронованного предка.

Мару Скара. Дети Императора позаимствовали эту старинную концепцию у фехтовальных культов древней Терры и адаптировали прием ложного выпада и завершающего удара, применяемого в схватках один на один, к полномасштабным боевым действиям легионов Космодесанта. Эйфорос не преминул продемонстрировать эту часть богатого наследия легиона.

— Открытый клинок! — Эйфорос картинно рубанул мечом по воздуху и тут же не глядя выбросил вперед вторую руку с украшенным драгоценностями кинжалом: — И скрытый клинок!

Затем он с поклоном развернулся к аудитории, сорвав бурные аплодисменты у наиболее льстивых зрителей.

Ксантин прекрасно знал этот маневр, ибо входил в поистине узкий круг бойцов из банды Эйфороса, кому довелось непосредственно в нем поучаствовать; маневр, требовавший совершенства навыка и точности, какими обладал один лишь Ксантин.

Вот, значит, зачем Эйфорос приходил к нему в спальню и расспрашивал о его намерениях — чтобы оценить, готов ли Ксантин вести скрытый клинок. Для воина Детей Императора не существовало чести выше, чем командовать Мару Скара, пусть и в составе полуживого бандформирования и под началом сбродного легиона. Верность Третьему не позволит Ксантину отказаться от подобного дара. К тому же, его можно обратить в свою пользу. Не исключено, что идеальный исход операции приблизит Ксантина к Эйфоросу, а если случится так, что его благородный повелитель отдаст вдруг концы, то Ксантин, обратив на себя внимание Абаддона безупречно исполненным Мару Скара, сумеет направить крестовый поход по наиболее выгодному ему пути. Рана в самолюбии Ксантина быстро затягивалась, и воин

позволил себе еще немного поразмышлять над коварными планами. Эйфорос убрал оружие и вновь обратился к толпе:

— Вести скрытый клинок — великая честь, достойная лишь лучшего из лучших среди нас.

Ксантин приготовился к волне всеобщего обожания.

— Эпиал Кир, мой идеал, подойди.

Золотокожий воин гордо взошел на помост. Его губы растянулись в жестокой улыбке, в уголках лоснящегося рта вспенилась слюна.

— Кир, наш блудный сын, вернулся и поведет нас в бой! — выкрикнул Эйфорос, и зал взорвался рукоплесканиями.

Ксантина захлестнул абсолютный гнев — кристаллизованная эмоция, словно копье, глубоко вонзилась в грудь. Столь чудовищный удар самолюбию казался смертельным. Ксантин сплюнул на пол — кислотная слюна зашипела и вспенилась, разъедая засаленный ковер — но горячая едкая желчь вновь подкатила к горлу из генетически измененного желудка.

Ксантин убьет Эйфороса. И Горенна тоже, чтобы лишить войска Черного Легиона в этом субсекторе единственного предводителя. В ту минуту Ксантину казалось, что столь идеальный гнев способен сразить и самого Абаддона — стоило лишь обрушить его на магистра войны и отомстить за III легион.

Произвол! Неслыханное оскорбление, форменное издевательство. Ксантин покинул Живой музей, в меру своих возможностей сохранив самообладание, однако теперь в библиотеке Карана Туна позволил ярости выплеснуться наружу. Он впечатал кулак, обернутый шелковой перчаткой, в голую каменную стену, добавив к застарелым черно-лиловым пятнам алые разводы.

Баронет захихикал, обрадованный внезапной вспышкой агрессии, и хлопнул в ладоши над отвисшим брюхом.

— Командовать скрытым клинком будет Эпиал Кир, этот крикливый кретин, этот вульгарный щенок! Как такое возможно? Что он знает о Мару Скара? Что он знает о совершенстве?

Ксантин не одно столетие развивал в себе вкус к разнообразным наслаждениям. По сравнению с ним Кир выглядел заурядным обжорой, отчаянно преследующим даже самые жалкие крохи ощущений.

Как до такого дошло? Ксантин по примеру отца присоединился к восстанию Гора, еще на шаг приблизившись к совершенству, заставил себя открыться страданиям, удовольствиям и восхитительной истине Галактики. Долгая война позволила ему разделить свои ощущения с близкими по духу соратниками, а ныне, когда Третий потерпел крах, Ксантину приходилось служить вместе с варварами.

Хуже того, крестовый поход Абаддона натолкнулся на неожиданное сопротивление со стороны ненавистного Имперума. Воскресший Жиллиман тоже собрал крестовый поход, усиленный чудовищами в человеческой шкуре. Космодесантники-примарис — так их называли, как слышал Ксантин — верные псы Имперума с промытыми мозгами, бледные тени воинов Астартес, посмеявшие нацепить себе на грудь аквилу, не заслужив ее подвигами, не имея морального права. Отец этого нового выводка почти достиг такого же совершенства, Фулгрим со своими сыновьями, но ныне с каждым днем все безнадежнее сбивался с пути.

Ксантин бил и бил, снова и снова, пока бархат перчаток не лопнул, пока голый камень стены не забрызгало кровью. Высыхая под мерцающим светом свечей, красные разводы быстро темнели — лиловый оттенок напомнил Ксантину о небесах Гармонии и на миг его успокоил.

Каран Тун склонил татуированную голову:

— Ты закончил, сводный брат?

Ксантин шумно вдохнул зловонный воздух, слизал длинным темным языком кровь с разбитых костяшек.

— Закончил. Давай мне то, за чем я пришел.

Тун указал на алтарь напротив, заставленный сотнями различных сосудов: фиалов, банок, бочонков и амфор — каждый украшали филигранные рунные узоры. Некоторые слегка вздрагивали — случайно или в такт нестройному рокоту звездолета, другие издавали едва слышные стоны.

— Выбор за тобой, как и всегда, — отозвался Несущий Слово.

Взгляд Ксантина зацепился за маленький резной контейнер из черного блестящего камня.

— Этот, — сказал он и занял свое обычное место на каменном кресле в центре комнаты.

По сравнению с другими помещениями «Назидания», библиотека Карана Туна выглядела совершенно неказистой, напоминая внутренним убранством примитивный храм на захолустном феодальном мире. Но Ксантин знал, что все не так просто: камень для стен, алтарей и не приметного трона, на котором восседал сейчас Ксантин, доставили на корабль с демонической планеты Галмек.

Несущий Слово склонился над контейнером, прошептав заклинание и совершив жесты ритуала пробуждения, передал сосуд Ксантину и отступил.

То, что выползло изнутри, едва воспринималось глазом: оно постоянно меняло форму, то сливаясь в нечто почти узнаваемое, то вновь растекаясь тенью. Существо принялось, словно грызун, и принялось медленно карабкаться вверх по грудной пластине Ксантина.

Воин ему не препятствовал. Он замедлил биение парных сердец и закрыл глаза. Затем пришло знакомое холодящее чувство, когда демон проник в сознание. Бывший космодесантник позволил своей душе инстинктивно отпрянуть, бесшумно скользнуть на границы сознания, дав место непрошенному гостю, чтобы понаблюдать за ним издалека. Поначалу существо двигалось медленно, осторожно вытягивало щупальца, будто нашаривая путь в темной комнате. Ксантин почувствовал его удивление, что потенциальный носитель никак не сопротивляется его поползновениям, а затем — восторг, когда демон принялся укореняться в физическом теле, должным стать его новым домом. Даже теряя контроль над собственными конечностями, воин ощущал, как по ним пробегает дрожь, холодная, как ледяная вода. Сердца на мгновение замерли, когда чужое сознание в полной мере восприняло свое новое трансчеловеческое тело. Демон расслабился и удовлетворенно запульсировал.

Ксантин некоторое время беспомощно парил, едва удерживаясь в реальности, смакуя поцелуй забвения. А затем ударил.

Его душа развернулась в обратную сторону, хлынула с окраин сознания на крошечного демона с силой приливной волны. Ксантин мгновенно ощутил ужас существа: до идеального незамутненный, насыщенный до того, что даже частично отделенный от собственного тела, воин почувствовал его вкус на вывалившемся языке. Опасность требовала от демона выбрать реакцию: бить или бежать. Для

последнего было уже слишком поздно. Ксантин привечал в своем сознании далеко не первого демона и хорошо знал, что, впус­тив в себя подобного паразита, выпускать его ни в коем случае нельзя.

Итак, демон выбрал сражаться, и натиск его впечатлял: он атаковал с яростью загнанного в угол волка, бросаясь на видавшую виды душу Ксантина с клыками и когтями, даже когда она развернулась в полную силу. Существо отчаянно взвыло, волнами испуская досаду и страх, вибрировавшие на границах сознания воина.

Однако чем способен навредить даже самый опасный хищник океану? Ксантин с наслаждением выдержал каждый удар, позволил себе миг извращенного восхищения нерожденным, продемонстрировавшим столь решительный отпор, прежде чем захлестнуть создание своей мощью. Ксантин остановился, когда от демона осталась лишь пустая оболочка, которую он запрятал в самые глубины своего естества, где скрывался в самом начале — почти беззащитный, на краю беспам­ятства — к изувеченным останкам созданий, которых уничтожил в такой же манере.

Ксантин открыл глаза. Бирюзовые зрачки ярко засверкали в полутемном зале.

— С возвращением, — произнес Каран Тун. Дьяволист что-то черкал в книге, обитой, как предположил Ксантин, человеческой кожей. — Но ты ли это, сводный брат?

— Я.

Воин вздохнул и провел длинным языком по саднящим губам. Он повел плечами, чувствуя, как сокращаются и перекачиваются тугие пучки мышц, и открыл чувства кораблю. После подобных интермедий музыка всегда звучала приятнее, а на «Назидании» музыка никогда не замолкала.

— Весьма любопытно. — Рука Туна резко задвигалась, вычерчивая зловещие руны по пятнистой странице. — Расскажи мне, какие тайны ты выведal у этого нерожденного. О чем он...

— Еще, — перебил его Ксантин.

— Сначала опиши, что ты испытал, — возразил Каран Тун и осторожно положил книгу. — Таков был уговор.

— Еще, — повторил воин и потянулся правой рукой к изогнутому фальшиону, прислоненному к серому каменному трону, на котором он лежал.

Каран Тун долго глядел Ксантину в глаза, и тот было подумал обнажить клинок и присвоить коллекцию Несущего Слово себе. Но, судя по всему, любопытство чернокнижника пересилило. Он вновь склонил голову и указал на сосуды.

— Выбирай.

Ксантин поднялся на ноги и подошел к алтарю. Тело, усовершенствованное биомантией Императора и касанием варпа, уже восстановилось после короткого слияния с демоном и вновь двигалось с текучей грацией. Проведя пальцем вдоль стеллажа, в этот раз он остановился у более крупного сосуда и дважды щелкнул по нему длинным когтем.

— Вот этот.

— Недавнее приобретение, — пояснил Тун. — Я изъял его из частной коллекции альдарской королевы корсаров. Она так не хотела с ним расставаться, что уничтожила свой корабль вместе с экипажем, лишь

бы сорвать мои планы. Ей почти удалось. Отступая, я наверняка бы его потерял, если бы не жертва нескольких моих подопечных.

При упоминании погибших собратьев закутанные в робы фигуры в затененных нишах нервно заерзали. Ксантин уловил запах их страха даже в густом тумане курящихся благовоний.

— Я не успел выяснить, что внутри. Прошу, позаботься, чтобы мои усилия не пропали даром.

Каран Тун поднес левую руку к нагруднику и начертал двумя пальцами нечестивые символы, а правой осторожно поднял сосуд и с благоговением вложил его Ксантину в открытые ладони. Во мраке казалось, что контейнер вылеплен из глины, но наощупь материал походил, скорее, на кость — легкий в руках воина-Астартес, словно перышко. Призрачная кость, как понял Ксантин, творение альдари. Настоящий раритет.

Воин вытащил пробку и глубоко вдохнул. Он вновь устроился на троне и приготовился к единению с содержимым сосуда. Как и ранее, внедрение демона в разум сопровождалось уколом холода, но если предыдущее угощение сразу же ринулось на пустое по виду тело, то это существо будто бы почуяло западню. Оно крутилось на краю сознания, дразня и проверяя границы дозволенного. Ксантин не чувствовал в нем инстинктивной потребности обладать плотью, в отличие от большинства ему подобных. Вместо этого демон, казалось, желал представиться, завязать беседу. Ксантин попытался схватить его, сжать обеими руками и выместить на нем свой гнев, ощутить его трепет, раздавить его, сокрушить самое его естество и бросить останки к остальным, в глубины своей души. Но демон оставался вне досягаемости, что безмерно раздражало. А затем он произнес имя Ксантина тем же голосом из сна.

Неожиданно вокруг вырос Город Гимнов. В сознание ворвались вопли миллионов рабов, утробный грохот падения десяти тысяч шпилей, апокалиптический рев гибнущего легиона. В минуты беспамятства Ксантин возвращался сюда бесчисленное количество раз, но сейчас все изменилось. Звуки начали замедляться, смешиваясь и затихая, пока не превратились в сплошной гул — невероятно низкую ноту, протянувшуюся некоторое время и умолкшую.

Воцарилась тишина. Идеальная тишина. Ксантин поглядел в небо, что проделывал из сна в сон, где над планетой парил «Тлалок» — осколок чистой ненависти.

«Ксантин».

Снова знакомый голос, который воин чувствовал затылком во время последнего сновидения. Теперь он звенел во всем теле — оклик растекся по коже, как теплая вода.

Там был Эйфорос. В его глазах фиолетового оттенка, а не полностью черных, как сейчас, отражалось золотистое сияние «Тлалока». И Вависк — его рот из плоти и крови распахнут в крике. Ксантин знал, что он сейчас выкрикнет, он слышал это уже много раз.

— Капитан, скорее на корабль!

Но крика не последовало.

Время остановилось.

Вдруг в безмолвии задвигалось нечто новое. Фигура в дыму: высокая, тонкая, подернутая пеленой, словно изображение на проекторе, передаваемое с огромного расстояния. Ксантин с трудом фокусировал на ней взгляд. Существо ступало вперед по обломкам умирающего города, как по ровной

площади. Тысячелетия боевого опыта подсказывали воину отступить от неизвестного создания, защищаться, но он не смог сделать и шагу, прикованный к месту, как и «Глалок», застывший в атмосфере над Городом Гимнов.

Длинную шею существа венчало лицо с постоянно меняющимися чертами. Ксантин совершенно точно разглядел глаза, намек на приплюснутый нос и острые кошачьи зубы, но деталей вычленил не сумел. Черты трепетали на грани восприятия, расплываясь и сливаясь друг с другом.

Сосредоточившись, Ксантин обратил внимание на знакомые объекты: лица капитанов и воинов, Эйдолона и Каэсорона, тех, кто погибли до славного возвышения Детей Императора, и тех, кто вошли в легион после гибели Гора на Терре.

Ксантин увидел Эпиала Кира с застывшим на губах диким воплем. И Горенна, глядящего немигающей линзой с изуродованного лица. Видел он и Абаддона Разорителя с его легендарной косицей на макушке, кривившего губы. Рука сама потянулась к бедру за фальшионом, но оружия на месте не оказалось.

Наконец Ксантин заметил самого себя. Бирюзовые зрачки, окруженные налитыми кровью белками, с любопытством глядели на свои точные копии.

— Демон, — произнес Ксантин. — Что ты такое?

— **Я Ксантин**, — ответило существо с его глазами. Оно моргнуло, и лицо изменилось. Теперь на воина уставилась пара прямоугольных черных зрачков с тускло-фиолетовых глаз.

— **И Съянт**.

— Что тебе нужно?

— **Мне нужен ты. Как и всегда. А тебе — я. Как и всегда.**

— Да.

Задуманная как вопрос, фраза сорвалась с губ утверждением.

— **Я могу дать тебе все, чего ты желаешь.**

Существо с удивительными глазами вытянуло руку и коснулось Ксантина. Прикосновение передало воину мириады обещаний о боли и удовольствии за пределами воображения, но, важнее всех остальных, о силе. Силе, способной уничтожить Эйфороса, что предал его. Силе вонзить нож в горло Черному Легиону, что пытался убить его. Поразить Империиум отца, что отверг его.

Существо с удивительными глазами подступило еще ближе, так близко, что Ксантин ощутил его дыхание у себя на шее даже через доспех.

— **Примешь ли ты меня?**

— Да... — прошептал воин.

— **Тогда приди ко мне.**

— Куда?

Ксантину явилось видение черных песков, нечестивого храма, а в его центре — зеркало и осколок льда.

— *На Каллиоу*, — мягко прошелестело существо.

Едва Ксантин оказался у порога репетиционного зала, его немедленно проводили к Эйфоросу. Как и Живой музей, резиденция военачальника ранее имела более практичное применение в роли зала совещаний. Давным-давно, во времена Великого крестового похода смертные люди и воины-Астартес собирались здесь, чтобы разрабатывать и обсуждать планы завоеваний.

Ныне же Эйфорос, единолично занимавший весь зал, использовал его для размышлений над своими решениями наиболее подходящим ему способом — перед зрителями. К оконечностям зала поднимались ряды скамей, с которых открывался превосходный вид на эстраду, где расхаживал Эйфорос и делился своими соображениями с бесстрастным Горенном. К каждой скамье было пригвождено по живому пленнику, лишенному конечностей и всех остальных выступающих частей тела. Эйфорос намеренно сохранил им органы чувств, кроме языков — издевательски представляя жуткой аудитории свои решения для конструктивной критики, в ответ он получал лишь нечленораздельное мычание.

Нестройных хор стенающих голосов — симфония завываний, плача и всхлипов — пришелся весьма по душе Ксантину, когда тот вошел внутрь. Эйфорос, заметил воин, несколько подобрался при его приближении, будто готовясь выслушать отповедь за оскорбительное решение отдать командование столь престижной операцией такому молокососу, как Кир.

Однако Ксантин застал своего повелителя врасплох, испросив позволения возглавить первоначальную атаку — открытый клинок.

— Разумеется, мой мальчик, я дарю тебе эту честь! — воскликнул Эйфорос, возликовав от мысли, что ему удалось наставить своевольного брата на путь прагматизма.

Безобразный циклоп Горенн оставался беспристрастным, но неотрывно следил за Ксантином единственным красным глазом. Терминаторский доспех предводителя сил Черного Легиона, переведенный в режим ожидания, издавал низкий гул, слышимый даже на фоне нескончаемых стонов зрителей.

В счастливую пору расцвета Детей Императора Мару Скара исполнялась с точностью удара рапирой и с идеальной согласованностью. В руках же Эйфороса и с ресурсами, ограниченными одним-единственным бандформированием, операция походила на бледную тень самой себя, как Дети Мучений — на тень славного в прошлом легиона. Ксантин понимал, что предлагает себя на роль обыкновенной приманки, тренировочной цели для болтеров Железных Рук, тогда как наслаждение вести скрытый клинок досталась Эпиалу Киру — новому любимчику Эйфороса.

Но все это уже не имело значения. Видения Ксантина не были обыкновенным мороком. Он пропустил через свое тело сотни — нет, тысячи — демонов и никогда ничего подобного не испытывал. Сянт ждала на Каллиопе. Ксантин чувствовал ее неизмеримую мощь. Оставалось лишь добраться до места, и тогда вместе они достигнут совершенства.

Так или иначе, Ксантин уже все распланировал — овладевшее им единственное желание помогло отрешиться от всевозможных соблазнов на борту «Назидания». В первоначальной атаке примет участие и Вависк. Вместе с отделением шумовых десантников он обеспечит огневое прикрытие, дав возможность Ксантину с соратниками атаковать позицию Железных Рук — отвлекающий маневр, который, в свою очередь, позволит скрытому клинку нанести смертельный удар. Кир со своей когортой будет ожидать на орбите, пока натиск Ксантина не вынудит Железных Рук оставить противоздушные орудия, и затем

десантируется на «Клешнях ужаса» в самое сердце отступающих космодесантников и не даст им укрыться за оборонительными позициями в храме.

— Это честь для меня, мои повелители, — ответил Ксантин и склонился в низком поклоне, прежде чем последовать в свой «Громовой ястреб».

Вависк уже дожидался его в стыковочном отсеке «Назидания». Шумовые десантники стояли рядом, покачивая акустическими бластерами, сплавленными из блестящего металла, плоти и костей. От пронзительного визга и щелчков, которыми переговаривались между собой воины, у Ксантина по коже забегали мурашки. Ощущение напомнило о голосе во сне, и он затрепетал от удовольствия.

Вависк пристроился рядом, когда весь отряд замаршировал вверх по аппарели на борт челнока, названного «Поцелуй бездны», выдавая тяжелыми саботонами мерный ритм.

— Твоя песнь сегодня другая, брат, — сказал Вависк. — Я слышу перемены. Что ты сыграешь для нас?

— Ничего особенного, Вависк. Эйфорос открыл мне глаза на ошибочность моих суждений, вот и все.

Рты на шее Вависка задвигались в унисон.

«Лжец», — прошептали они.

Вход в храм вырос из черных песков, словно огромная ракушка замысловатой формы, переливаясь жемчужным светом в полуденном солнце. Каллиопу когда-то населяли альдари. Во время короткого совещания Эйфорос об этом умолчал, но Ксантин сразу заметил знакомые очертания статуй, выстроившихся вдоль каменной дороги к порталу. Прекрасные в прошлом, пусть и изваянные руками омерзительных ксеносов, под гнетом тысячелетий статуи искрошились, некоторые потеряли конечности. Они торчали из черной земли подобно останкам давно погибшего морского чудовища, белея под немилосердным солнцем Каллиопы.

Ксантин знал, что войска Железных Рук обустроили в храме укрепленный штаб, но с такого расстояния оценить их количество не мог.

— Дьяволист, — передал он по воксу доспеха, — покажи, с чем мы имеем дело.

Каран Тун выступил вперед, на ходу сотворяя пассы перед исписанным рунами нагрудником. Когда ритуал достиг кульминации, губы колдуна потемнели, а из фиала у него на поясе выскочила пробка. Оттуда показалось существо, чернее дюн и угольных доспехов Детей Мучений. Оно сползло по ноге Несущего Слово и закопалось в песок у ступней. С устрашающей скоростью демон ринулся в сторону храма, а Тун с подернутыми молочно-белой пленкой глазами опустил на колено и приложил руку к черному песку. Через несколько мгновений он заговорил:

— Я вижу их, сводный брат.

— Покажи мне, — велел Ксантин и положил руку Туну на плечо.

Сразу же ему предстал храм, видимый сквозь фасеточные глаза. Железные Руки рассредоточились небольшими группами: некоторые с болт-винтовками на огневых позициях, другие за стационарными орудиями на треногах. Ксантин знал модель по Черному крестовому походу Абаддона, в котором с такой неохотой участвовал: турель «Огнебой», особенно любимая мутантами-переростками из Космодесанта-примарис. Ксантин осознавал риск лобовой атаки на такое оружие — он собственными глазами видел,

как одна такая пушка искрошила больше двух сотен культивистов во время налета на улей Толстан, превратив пеструю ораву накачанных наркотиками, разодетых в шелка людей в пульсирующую массу перемолотых костей и плоти. Турели поворачивались из стороны в сторону в поисках целей для ускорительных автопушек.

Основную часть сил Железных Рук составляли воины-примарис в маслянисто-черных доспехах, практически невидимых среди шелковисто-темных песчаных дюн. Глазами демона Ксантин увидел, как на их доспехах сверкают ярко-белыми отблесками аквилы, резко выделяясь на фоне черного и металлическо-серого вооружения. Жалкая пародия на гордый орлиный силуэт, который когда-то носил Ксантин и его соратники из Детей Императора.

— Вависк, — прорычал он.

Шумовой десантник шагнул к командиру. Акустический бластер рокотал с трудом сдерживаемой мощью.

— Готовь свой оркестр.

Взбивая когтиты саботонами песок в темные пылевые вихри, Ксантин помчался к вражеским позициям. Обстрел из акустического оружия и последовавшее наступление застало примарисов врасплох, однако превосходно вымуштрованные космодесантники не дрогнули. Отделения Железных Рук отступили на укрепленные позиции за остатками ксеносских строений и сброшенными с орбиты адамантиевыми баррикадами, откуда могли в относительной безопасности оценить степень приближающейся угрозы.

Другие воины-примарис рассредоточились по «Огнебоям», за пару секунд покрыв тяжеловесной поступью внушительные участки текучих песков. Эти воины, закованные в красные доспехи, наводили, стреляли и перезаряжались в наработанный долгой практикой темпе. Автопушки ритмично загромыхали, посылая в наступающих Детей Мучений смертоносные очереди. Один из снарядов угодил в плечо Элламару, бегущему в атаку рядом с Ксантином. Древний воин визгливо захохотал, оправляясь после удара, но в ту же секунду умолк, когда следующие три снаряда начисто снесли ему голову, обтянутую кожаной маской.

Отдельные потоки заградительного огня слились в сплошную лавину, когда к обстрелу присоединились болт-винтовки всех воинов гарнизона. Ксантин пригнулся и ушел в сторону от метнувшейся к нему очереди. Осколки звякнули о доспех, резанули открытую плоть, одарив воина восхитительным болезненным уколом. Шумовые десантники во главе с Вависком обрушили из тыла на позиции Железных Рук шквал звуковых волн. Убийственная какофония выгнала врагов из укрытий — у космодесантников ушами пошла кровь, внутренности скрутило судорогами.

Уже близко — так близко, что Ксантин четко видел серебристо-белые аквилы на нагрудниках двоих воинов-примарис, бравших его на прицел. Выстрелить они не успели. Из-под песка показалось черное существо, взвившееся над ними на два роста. Червь обвился вокруг ноги ближайшего воина Железных Рук. Раздался хруст, одновременно влажный и сухой, и создание втянулось обратно в песок. Покалеченный космодесантник еще секунду стоял на уцелевшей ноге, прежде чем собственный вес потянул его на землю. Ксантин успел с удивлением заметить, что переломанная конечность Железной Руки вместо крови источает черный дым, как вдруг демон вновь выскочил на поверхность. Он свернулся кольцами вокруг соратника раненого воина и принялся швырять его из стороны в сторону, пока внутри

доспеха не загремели переломанные кости.

— Отличный у тебя питомец, Тун!

Ксантин перескочил баррикаду и выпустил одиночный болт в лицевой щиток воина со сломанной ногой. В тот же миг к его шее устремилось лезвие цепного меча. Третий космодесантник-примарис попытался одним ударом обезглавить Ксантина, но тот развернулся на пятках и выставил перед собой острое фальшиона, изготовившись к поединку. Противники принялись обходить друг друга по кругу.

Воин Железных Рук на голову возвышался над Ксантином. Хотя и созданный на десять тысяч лет позже, космодесантник уже из постчеловека превратился фактически в машину. Он перенес вес на алмазную ногу, оканчивающуюся четырехпалой разлапистой ступней. Поршни задвигались вверх и вниз, когда воин перехватил меч двумя руками, живая плоть которых обрывалась у локтей. Кисти и предплечья заменили грубой бионикой, однако сегментированные пальцы, судя по виду, вполне были способны сокрушить череп.

— Умри, предатель, — бросил воин Железных Рук.

Ксантин рассмеялся и выстрелил врагу в грудь. Болт попал в цель, но, выпущенный со столь близкого расстояния, срикошетил от изогнутого нагрудника, не успев детонировать. Тем не менее, выстрел обескуражил противника. Ксантин воспользовался моментом и впечатал рукоять своего оружия ему в шлем.

— Предатель? Новая броня, новое оружие, новые чудовища, — Ксантин смерил крупного примариса презрительным взглядом, — а словечки старые. До чего скучно.

Он взмахнул фальшионом, и еще раз, и еще. Первые два выпада служили обманкой, чтобы сбить с толку и отвлечь, но третий достиг своей цели, срубив кусок керамики с вражеского наплечника. Ксантин ушел под размашистый выпад, отведя руку с фальшионом близко к себе так, что острое оказалось у щеки.

— Уверен, этому слову научили тебя твои полуграмотные создатели, но подумай вот над чем. Я ли истинный предатель? Взгляни на себя. — Ксантин выпрямился и повел острием от закованных в черные сабоны ног высокого воина до модифицированной головы. — Ты оскверняешь свою плоть, выковыриваешь, вырезаешь из себя всякое подобие на своего праотца, на тех, кого якобы защищаешь. Я способен чувствовать прикосновение, вкус, способен видеть. Ощущать эмоции. Ты же предался холодной машине, закабалил свои чувства, оскорбил своего создателя.

Воин Железных Рук испустил рев, лишенный машинной глоткой всякого чувства. Ксантин крутанулся в ответ на выпад, взмахнул мономолекулярным клинком поперек, затем понизу и снова вверх. Его меч вновь достиг цели — гибкое тело бывалого фехтовальщика позволило ему полоснуть снизу-вверх по аквиле, украшавшей нагрудник высокого примариса.

— Ты носишь ее, не зная, что означает подобная честь. Лишь мы имеем на нее право! Мы одни обрели совершенство и заслужили считаться величайшими. Мы одни получили ее из рук Того, кто возомнил Себя нашим судьей. Но мы превзошли даже Его власть!

К этому моменту Ксантин сорвался на крик, а его контролируемые выпады превратились в вихрь яростных ударов. Он бил без остановки, не заботясь, куда попадает клинок.

Цепной меч рубанул Ксантина по ребрам. Зубцы с лязгом отскочили от угольно-черной бронепластины, но сила удара бросила его плашмя на песок. Воин Железных Рук продолжил атаку. Держа рукоять

обеими руками, он обрушил цепной меч вниз с намерением расплосовать врагу череп. Ксантин принял удар на фальшион. Лезвие меча в его руках остановило исходившие искрами адамантиевые зубцы в считанных дюймах от лица.

— Умри, предатель, — повторил примарис до нелепого бесстрастным голосом.

Ксантин тяжело дышал, мышцы натянулись до предела, сдерживая чудовищную силу примариса. Ксантин приготовился к страданиям: боли и смерти вкупе с унижением погибнуть от руки столь недостойного противника. Перед смертельным ударом воин ушел в себя... и вдруг почувствовал легчайшее прикосновение. По телу прокатились мягкие, ласковые волны удовольствия, вмиг напитав его новыми силами.

«*Сейчас*», — произнес чей-то голос.

Ксантин вывернул меч в руках и ткнул вверх, пронзив примарису грудь прямо сквозь аквилу. Гигант-космодесантник начал заваливаться назад, а Ксантин подскочил и вогнал лезвие глубже, уже стоя на коленях над поверженным противником.

Ксантин восторженно заголосил. Возбуждение заструилось по перенапряженным нервам.

— И мы все еще величайшие воины, юнец. Напомни об этом отцу, когда встретишься с ним!

Ксантин повернул клинок и выдернул его из расколотой грудины Железной Руки вместе с искрящими проводами.

Бой вокруг продолжался. Слева Баронет склонился над телом другого воина-примариса и с хихиканьем вытаскивал из трупа перемазанные кровью кишки, складывая их рядом на горячем песке. Справа сидел на корточках Каран Тун и нашептывал указания и посулы своим подопечным из нерожденных — колхидские руны на его доспехе кружились и испускали свечение. Железные Руки передвигались группами со слаженностью автоматов, чего и следовало ожидать от сынов Горгона. Они все еще не утратили решимости сражаться, однако же стационарные орудия замолчали — стрелки либо были перебиты, либо отступили на безопасные позиции. Пришло время для смертельного удара.

— Кир, — передал Ксантин по воксу. — Первый удар нанесен.

По небосводу прокатился рев. Воин резко задрал голову и увидел высоко в небе крошечные черные точки, за которыми протянулись желто-алые огненные хвосты. Глядя, как над головой разрастаются, словно опухоли, десантные капсулы, Ксантин невольно сравнил их с «Тлалокком». «Клешни ужаса» Кира мчались в бой.

Капсулы врезались в поверхность с силой, сотрясшей земную кору, обрушив статуи, подточенные годами песчаных бурь. «Клешни ужаса» распахнули черные, потрескавшиеся от жара металлические аппарели, и оттуда на планету хлынула волна черного керамика с Киром во главе. Со своих позиций новоприбывшие могли без труда отрезать Железным Рукам путь к отступлению, однако вместо того, чтобы двинуться к овальному portalу храма, Эпиал на глазах у потрясенного Ксантина повел своих воинов на окровавленные дюны против выживших.

— Нет, глупец! — закричал Ксантин.

Подкрепления Детей Мучений обрушились на потрепанных Железных Рук. Кир закружился, глефа в его руках яростно сверкнула под лучами двух солнц Каллиопы и опустилась на чью-то руку. Лезвие с

легкостью отсекло запястье. Его владелец некоторое время пиялился на обрубок, будто зачарованный видом хлещущей на песок крови, пока Кир не снес ему голову, на которой навеки застыло ошарашенное выражение. Другой примарис Железных Рук попытался напасть на Эпиала со спины. Он ударил цепным мечом, держа оружие двуручным хватом, но Кир мгновенно развернулся. Глефа метнулась по дуге и отбила удар. Следующим взмахом Эпиал рубанул примариса поперек живота. Космодесантник замер, когда лезвие впилося в его плоть, а затем осел со вспоротым животом на пропитанный кровью песок.

Ксантин не мог не восхититься мастерством своего недруга, но в то же время ужаснулся попранием совершенства Мару Скара. Кир пренебрег наслаждением нанести хирургически точный удар в пользу низменного кровавого удовольствия, предпочел вырезать раненых и умирающих, а не сломить вражескому войску хребет.

И вот огромные створки сошлись за спиной последнего уцелевшего воина Железных Рук, заскочившего в овальный портал. Скрытый клинок промахнулся.

Итак, единственный вход в храм оказался перекрыт. Кир, все еще опьяненный кровавой резней среди дюн, приказал воинам своего отделения стрелять по стенам, пока те не пробьются внутрь. Когда же прозрачная кость — податливый, органический наощупь материал, но прочный, как керамит — выдержал обстрел, командир скрытого клинка зашелся в гневных воплях.

Тогда Эпиал принялся рубить портал цепными мечами, отнятыми у недавно убитых им врагов, выбивая из створок черные осколки. В конце концов, когда и это не сработало, он набросился на ворота с кулаками, завывая с каждым ударом все громче и изрыгая все более витиеватые проклятия.

Ксантин подождал, пока пыл его соперника не поутихнет, и подал сигнал Вависку. Прерывисто хрипнув, шумовые десантники развернулись, как один, и направили на ворота акустические бластеры. Вычурные пушки медленно набирали мощь: высота и громкость звука росли, пока не достигли крещендо. Даже сам Ксантин едва выдерживал близость подобного оружия. Он балансировал на грани между болью и наслаждением, предаваясь воспоминаниям о предсмертных криках Города Гимнов.

От громового залпа прогнулась сама реальность. Материум усеяла россыпь небольших провалов в варп, откуда исторглось множество крошечных, практически лишенных самосознания нерожденных, затрепыхавшихся на раскаленном песке: бесформенные обрывки плоти, кончики щупалец, рты без тел с дрожащими, влажно шлепающими губами. Шевеля костлявыми пальцами, ворочая алчными языками, слепые амебообразные создания потянулись к невозможно прекрасной симфонии.

Костяная дверь устояла перед болтером и клинком, однако разрушительной песни шумовых десантников не выдержала. Врата раскололись вдоль органических волокон — вытянутые трещины испещрили поверхность, словно кровавые потеки — и, достигнув предела прочности, прогнулись внутрь. Краткое мгновение створки держались, словно кость под нагрузкой за миг до перелома, а затем взорвались, обрушив в проем, который защищали, шквал осколков размером с космодесантника и клубы пыли.

Широкий проход за вратами шел под короткий уклон, а затем неожиданно обрывался, перекрытый от стены до стены крупными обломками чужеродного камня. Ксантин присел на корточки и провел пальцами в латной рукавице по краю одного из фрагментов. Он явно откололся от сводов храма, однако края его были округлыми, а не острыми, а грани пестрели пузырьками и ямками — явные следы воздействия сверхвысоких температур. Обвал устроили мелта-зарядами, и Ксантин и без пояснительных рун на дисплее шлема понял, что камень давно остыл и затвердел. Железные Руки завалили проход

несколько часов, а то и дней назад. Однако войны, с которыми Дети Мучений только что сражались, таинственно исчезли, и это могло означать лишь одно — в глубины храма существовал другой путь.

Кир рыскал вдоль завала, с гиканьем и визгом полосая самые крупные осколки камней. Ксантин его проигнорировал и подозвал дьяволиста.

— Тун, — негромко сказал он, — может ли кто-нибудь из твоих питомцев отыскать нам путь?

Несущий Слово вздохнул и вновь опустил на корточки. Он извлек из кожаной сумки на бедре бутылочку размером с палец. Выдернув пробку, Каран Тун что-то прошептал содержимому сосуда — с последним словом его губы сделались совершенно черными. Из бутылочки высунулось розовое существо, жалобно хныкая и трепыхаясь на воздухе, и шлепнулось на присыпанный песком пол. Сперва создание беспомощно извивалось на земле, но в следующий миг его мясистое тело вдруг потемнело, как будто постарев за несколько секунд, и выпростало сеть трепещущих жгутиков. Наконец, достаточно созрев для полученной задачи, червь с тошнотворным шлепком припал к ближайшей стене и принялся ощупывать окружающее пространство: жгутики проверяли каждую неровность, проникали во всякий зазор, отыскивали даже мельчайшую трещинку в материале ксеносов. В конце концов демон остановился на левой секции в некотором отдалении от первоначальной. Желая привлечь внимание хозяина, он начал влажно шлепаться о вроде бы ничем не примечательный участок стены.

Ксантин подошел и осторожно отлепил создание от камня, а затем постучал по поверхности кулаком, услышав в ответ металлический звон. Для верности он простучал участок и по краям. Под слоем чужеродного камня скрывался люк — безыскусная металлическая плита на петлях, созданная с холодным прагматизмом, которым так славились помешанные на машинах Железные Руки. Хоть Ксантин и полагал этих сосунков-примарисов жалким подобием их давно погибшего примарха, он почти восхитился — похоже, наследники унаследовали какую-то часть отцовского мастерства. Проведя пальцем по замаскированному люку, Ксантин повернулся к Вависку. По кивку шумовые десантники активировали акустические бластеры, наполнив помещение благословенным гулом, от которого у Ксантина заныли заточенные зубы.

Когда рев затих под сводами коридора, от люка осталась лишь рваная дыра в стене. Кир, привлеченный шумом акустического взрыва, ринулся туда первым, исчезнув в темноте с ликующим воплем.

Ксантин последовал не торопясь. Чтобы протиснуться в импровизированный проход, ему пришлось пригнуться. Украшенные наплечники его доспеха оставили на твердом камне хлопья позолоты. Ксантин скривился. В тоннеле, который, судя по всему, шел параллельно перегороженному основному коридору, едва хватало высоты для космодесантника, однако Железные Руки определенно прошли здесь. По всему пути отступления воинов-примарис пол усеивали болтерные гильзы и магазины, а следы саботонов в песке указывали на спешный, но упорядоченный отход в глубины храма.

Отряд вел Кир, силой пробившийся в тоннель первым. Вряд ли его подгонял командирский долг — скорее всего, ему не терпелось снова проливать кровь. С каждым новым следом примарисов Эпиал ускорялся, пока не понесся стремглав по расширяющемуся проходу, вопя на бегу — его плюмаж развеивался за спиной, словно хвост кометы.

— Вот тебе и скрытый клинок, — прошептал себе под нос Ксантин, вкладывая фальшион в ножны, и тоже перешел на бег, но более размеренный.

Баронет, неуклюже ковылявший рядом, при этих словах озадаченно оскалился. Он с трудом поспевал за командиром, усиленно семеня короткими ногами. В конце концов стены прохода разошлись еще шире —

теперь здесь могли пройти рука об руку четыре космодесантника. От Мару Скара остались только Ксантин, Баронет, Каран Тун, Вависк вместе с тремя шумовыми десантниками и еще Кир с большей частью своего отделения из Черного Легиона. Эпиал без остановки продвигался вперед, пока коридор внезапно не оборвался. Свод поднялся так высоко, что стал невидим для неаугментированного глаза.

Вслед за Киrom, Ксантин вошел в просторный зал: достаточно широкий и высокий, чтобы с легкостью вместить титан типа «Гончая». Дорога вела дальше. По обеим ее сторонам высились внушительные колонны, увенчанные статуями. В отличие от своих собратьев снаружи, эти изваяния уцелели, не тронутые губительными песчаными бурями Каллиопы.

Они изображали воинов в сегментированной броне, обликом весьма напоминавших людей, но чересчур стройных, чересчур высоких, чересчур чужих. На языке выступил омерзительный привкус. Ксантин упивался им, вспоминая всех альдари, которых выпотрошил, и необычный вкус их плоти. Он позволил себе надежду, что сегодня вновь отведает столь изысканного мяса, однако, судя по очевидному возрасту храма и близкому расположению Каллиопы к Оку, древняя раса давно покинула этот мир, оставив здесь... Оставив здесь что?

По залу разливался тусклый свет — слишком мягкий для имперских люменов, слишком ровный для варповых огней. В полумраке Ксантин разглядел руны, вырезанные в основании каждой колонны. Плавные аккуратные символы не излучали явной эзотерической мощи хтонийского, нострамского или колхидского письма, но Ксантин все равно решил уточнить у дьяволиста, указав фальшионом на подножия статуй.

— Бессмыслица мерзких альдари, — ответил Тун. — Зная их нравы, можно предположить, что раньше здесь было капище или мемориал. Или, быть может...

«Ксантин. Освободи меня».

Голос прозвучал совсем близко. В нем слышалась такая печаль, что Ксантин мгновенно все понял.

— Тюрьма.

Ксантин заметил, что порядок статуй следует определенному сюжету. Начиналось повествование с образа неизбывной печали в виде фигуры в мантии с капюшоном — воин, судя по копыю в руке — сидевшей на корточках в позе безнадежного отчаяния. На следующей статуе отчаяние сменялось ужасом: воин спасался бегством от некоего незримого чудовища. Еще несколько изваяний давали намек на решимость воина дать отпор нависшей угрозе, будто он придумал, как пленить своего учителя.

Последняя колонна изображала одновременно и триумф, и трагедию. Фигура в остроконечном шлеме низко преклонила колени, приколотая на месте длинным копьем, которое пронзило ей грудь. Длинное древко тянулось от скульптуры к самому полу, где оканчивалось блестящим шипом, достаточно крупным и легким для рук воина альдари.

Или космодесантника.

— Копье.

Демон из сосуда служил лишь вестником, осколком чужого сознания. Ксантин понял, что истинная мощь Съант скрыта в этом копье. До воссоединения оставалось недолго. Нужно лишь опередить Кира.

— Что ты сказал, сводный брат? — спросил Каран Тун, и в этот же миг ему в спину ударила болтерная

очередь.

Снаряды сбили Несущего Слово с ног, уложив его на землю у подножия ближайшей колонны. Ударная волна толкнула и Ксантина, но он сумел сгруппироваться в падении. Воин кувыркнулся через голову и скользнул за стену из прозрачной кости.

Время для нападения было выбрано идеально: Ксантин глядел из своего укрытия, как гибнут Черные Легионеры Кира под безошибочно точным огнем болт-винтовок Железных Рук. Один из них, последователь Кровавого бога, судя по его воинственному облику, злобно взревел — цепные мечи в окровавленных руках вторили его кличу. Ответом ему послужил разрывной снаряд в лицо. Клинки лязгнули о камень, заскакали в руках убитого воина по каменной резьбе и ошметкам мозгового вещества, работая двигателями даже после гибели своего хозяина. Другого воина в старинном доспехе типа IV с кроваво-красным оком Гора на наплечнике изрешетили в грудь по меньшей мере с четырех разных углов. Болты разорвались глубоко в его теле, прикончив еще до того, как он грянулся о землю.

Кир оказался не ко времени проворным. Он пригнулся под первыми выстрелами и стремительно забегал между укрытиями с грацией танцора. Ксантин тоже ушел от первоначального обстрела и устремился к осевшему на пол Карану Туну. Присев рядом, Ксантин осмотрел его: в бронепластине на животе зияла дыра от болтерного снаряда, сочившаяся кровью, темной на фоне черного доспеха. Рана уже начала затягиваться, а тысячелетний боевой опыт подсказывал, что дьяволист выживет. Тун открыл глаза как раз тогда, когда Ксантин потянулся к нему.

— Твое беспокойство весьма трогательно, сводный брат, — сказал он и поднял руку, ожидая помощи.

Ксантин отбил ладонь Туна в сторону и потянулся к бутылкам у него на поясе. Выхватив небольшой трепыхающийся сосуд, он поднес его к лицу и выдернул пробку. Пока запертый внутри демон не успел сбежать, Ксантин припал к горлышку губами. В этот раз он не стал заманивать нерожденного в ловушку, а сразу втянул создание в разум, испив его скудные силы, чтобы напитать свои.

Получив новый прилив мощи, Ксантин взглянул на копье у подножия статуи в другом конце зала. Он подобрался и оглядел помещение. Неумолимый ритм обстрела с позиций Железных Рук не ослабевал, хоть к этому моменту и потерял несколько партий — Кир со своим отделением посеял смерть в рядах выживших воинов Империиума. Скрежет клинков по броне, рев цепных мечей, предсмертные крики космодесантников — все это звучало музыкой для ушей Ксантина.

Однако слышался еще один звук. Мерное уханье, набиравшее громкость — низкая нота, от которой с древних статуй осыпалась пыль и глаза вибрировали в глазницах. Затем раздался свист набирающей обороты гатлинг-пушки. Резные каменные сооружения ксеносов рухнули под ударом могучего плеча, и на пути Ксантина к копью оказался дредноут «Редемптор».

— Твоя плоть... слаба, — прогремела машина через вокс-репродуктор и направила свое оружие на Ксантина — шесть стволов вращались все быстрее, пока автомат заряжания подавал снаряды в казенник.

Откуда-то сверху прыгнул Кир. Он обрушился на дредноут, оседлав его саркофаг.

— Я расплавлю твое тело и выпью твою кровь! — закричал он.

Внезапная атака толкнула машину вперед. Очередь из гатлинг-пушки не достигла цели — снаряды вспороли камень у ног Ксантина. Дредноут споткнулся, но быстро выровнялся. Он потянулся суставчатой рукой и, схватив Эпиала за ногу, сбросил того на землю.

Черный Легионер превратил падение в грациозный перекат и вскочил на ноги рядом с Ксантином. Оба воина уперлись спинами в стену храма. Кир повернулся к соратнику, сверкая ярко-сиреневыми линзами в полумраке.

— Открытый клинок и скрытый клинок наконец-то сошлись вместе, брат! Совершенный удар! — завопил Кир, хрипя перегруженной вокс-решеткой. — За мной к славе!

Одним движением Ксантин повернулся и рубанул фальшионом Киру по ногам. Изогнутое лезвие глубоко впилося в коленные суставы с обратной стороны, рассекло мышцы и сухожилия до самой кости. Эпиал Кир рухнул на пол, от изумления потеряв, наконец, дар речи.

— Да что ты знаешь о совершенстве, кретин? — бросил Ксантин, отступая от поверженного соперника.

Железные пальцы сомкнулись вокруг Кира. Дредноут поднял его над каменным полом едва ли не с нежностью, как ребенок поднимает птенца, выпавшего из гнезда. Увидев возможность, Ксантин бросился к массивным ногам машины, в последний момент скользнув меж ними, и понесся в дальний конец зала.

Кир задергался в хватке. Его плюмаж переливался всеми цветами радуги, когда он принялся размахивать мечом. Лезвие высекло искры из плечевой брони «Редемптора», прочертило борозды в белом керамите, но к жизненно важным механизмам прорубиться не смогло. Эпиал кричал без остановки, изрыгая проклятия и обещания из сдавливаемой глотки. Дредноут сжал кулак, и Кир лопнул с влажным хрустом, эхом разнесшимся меж стенами зала. Его руки обвисли, меч выскользнул из ладони, звякнув острием о камень, прогремел пару раз по полу и затих. Вслед за мечом безвольно рухнули и ноги, за которыми в извращенной пародии на плюмаж протянулась бахрома внутренностей и переломанный позвоночный столб.

Дредноут развернул торс на срединной оси и открыл огонь. Снаряды гатлинг-пушки искрошили сооружения чужих, но Ксантин уже покинул поворачивающийся по дуге сектор обстрела, стремительно перебегая от укрытия к укрытию.

— Вависк! — закричал он в вокс. — Убей машину!

В ответ раздался лишь бессловесный низкий гул, однако над разрозненными позициями Детей Мучений вновь разнеслась громогласная музыка, и броня «Редемптора» растрескалась и начала сминаться.

«**Ксантин**», — позвал голос, перекрывая какофонию шумовых десантников, столь изнывающий, что Ксантин готов был умереть, лишь бы доставить его обладателю хоть мимолетное удовольствие.

— Иду, любовь моя, — прошептал он и побежал.

Ксантин подбежал к копью. У подножия пронзенной статуи он бросил фальшион, зазвеневший по храмовому полу. Блестящий осколок вибрировал от сдерживаемой мощи, молил о прикосновении. Воин протянул закованную в латную перчатку руку. Пальцы будто сами собой обхватили рукоять. В следующий миг он открыл демону свою душу. Из копья выползла бесформенная тень. Она обвилась вокруг наруча Ксантина — от ее ледяного касания по телу пробежала волна наслаждения, за которой последовали мириады болезненных укулов. Создание дотянулось до плеч, оплело шею. Ксантин негромко ахнул, и едва его челюсти приоткрылись, демон скользнул ему в рот и дальше в глотку, оставив на языке вкус невыразимых мучений.

Ксантин привык делить тело с мелкими суетливыми созданиями — крохами, едва способными утолить голод. По сравнению с ними Сьянт казалась сверхновой звездой. Лучезарная и устрашающая, она обрушилась на его сознание, подобно «Тлалоку» на Город Гимнов, но, если последний нес лишь разрушение, первая обещала новую жизнь. Ощущения. Мощь!

— **Наконец**, — раздался голос, принадлежавший ему самому. — **Мы вместе**.

Перед Ксантином пронеслись целые эпохи боли и наслаждений, а затем — кошмар из кошмаров — вечность пустоты. Жуткая судьба для создания, наделенного совершенным восприятием. Ксантин щедро испил ее боли, перенес мучительнейшие страдания, неведомые его смертному телу, с жадностью зачерпнул блаженство существа, наконец освободившегося после вечности в заточении. Он увидел ее давно умерших поработителей из рода альдари — интриганов и клоунов — и возненавидел их жгучей ненавистью за пленение столь прекрасного создания. Сьянт заговорила в его разуме:

«Спасибо тебе».

Шумовых десантников оттеснили, и дредноут снова развернулся, сосредоточив внимание на враге в своем тылу. Гатлинг-пушка на правой руке выплюнула снаряды, но Ксантин, разделивший душу со Сьянт, стал сильнее и быстрее, чем когда-либо. Он не чувствовал ни боли, ни усталости, ни сомнений. Мышцы туго натянулись, кости практически утратили вес. Чувства обострились за пределы трансчеловеческого. Мир Каллиопы обрел новую четкость — Ксантин каким-то образом улавливал даже мельчайшие изменения в огромном зале еще до того, как они происходили. Воин побежал, уворачиваясь от огня со сверхъестественной скоростью, а затем прыгнул с копьем на плече, вогнав острие в середину саркофага «Редемптора».

С силой, превосходящей возможности его насыщенного варпом тела, Ксантин выдернул копьё из дредноута, а затем снова вонзил глубоко в броню. Оружие пробило керамику до податливой сердцевины, где в амниотической жидкости плавало изувеченное тело.

— Плоть... слаба, — прохрипел дредноут из вокс-репродуктора, истекая жидкостями из трещин в корпусе.

Ксантин отрывисто рассмеялся и спрыгнул на каменный пол.

— Твоя — да, была. Моя же сильна как никогда.

Габаритные огни зашипели и погасли, огромный силовой кулак обмяк, и дредноут с грохотом рухнул на пол.

Машина, как и оставшиеся Железные Руки, погибла. Но Сьянт еще не закончила — только не после тысячелетий изоляции и от варпа, и от реальности. Демонесса перехватила контроль, заставила Ксантина взобраться на корпус дредноута и бить по металлу — раз за разом — пока его с ног до головы не залило густой черной кровью и зловонными машинными маслами, вспенившимися на многочисленных пробоинах. Вскоре, отбросив копьё, она принялась руками Ксантина вычерпывать из рваных дыр в керамике пригоршни холодной серой плоти и жадно пожирать их. Ксантин даже не успевал жевать — Сьянт глотала куски мяса почти целиком, проталкивая их в горло, подобно змее.

«Вкус, о, этот вкус!» — простонала демонесса, и Ксантин почувствовал, как его душа съезживается при звуках ее ужасного и прекрасного голоса. **«Как же долго я ждала. Как долго я ждала!»** — воскликнула Сьянт.

И тогда Ксантин почувствовал, что падает в самые темные глубины своей души — к выпотрошенным останкам тех, кого пожирал — утратив способность управлять собственным телом, в этот раз похищенную, а не переданную по собственной воле.

Ксантин пришел в себя, когда «Поцелуй бездны» начал стыковку с «Назиданием». Ему вновь снился Город Гимнов, это точно, но демона в видении не было. Как и Эйфороса с Вависком. Странно. Впервые за все время Ксантин увидел, как «Тлалок» обрушился на город и на него самого, почувствовал, как душу смывает в варп из распыленного ядерным огнем тела. Съянт, насытившись на какое-то время, молчала в его разуме.

Горенн вернулся на «Расколотой клинок», но Эйфорос все равно созвал банкет. Подобные пиршества, на которых воины могли отпраздновать удачный налет и похвалиться трофеями, стали традицией еще до уничтожения Города Гимнов. На столе разложили реликвии и оружие, награбленные в храме: серебряное копье покоилось рядом с глянцево-черной грудной пластиной, связкой сферических гранат и небольшой коллекцией старинного сюрикенного оружия. Однако особое место на пиру отвели Эпиалу Киру. В серебряных чашах кипели и булькали его расплавленные останки — то небольшое, что рабам удалось извлечь из его искалеченного трупа с добавлением мощных наркотиков. Экстракт жизненной силы Кира одни гости неторопливо потягивали, а другие хлебали большими глотками. Но чаши лишь дополняли венец сервировки пиршественного стола: на золотом блюде, венчая высокую гору потрохов, возлежала голова Эпиала Кира с наполовину вылезшими из орбит глазами, перерезанными алой сеткой лопнувших вен. На его щеках запеклась кровь, натекая из ушей, а лицо застыло в болезненной гримасе, исказившей его в момент гибели.

Даже в смерти Киру удалось потеснить Ксантина.

Рабы выносили изысканные кушанья из кухонь на нижних палубах в собственных желудках. Едва переставляя ноги, с перекошенными от боли лицами, несчастные подходили к своим хозяевам и срыгивали содержимое в блюда из золота и слоновой кости. Эйфорос поднял полную чашу и призвал собравшихся к тишине.

— За нашего брата, почившего во славе! — произнес он и, отсалютовав отрубленной голове Кира, приложился к все еще дымящей чаше и принялся хлебать, обильно проливая жидкость из уголков рта.

— И за тех братьев, кто вернулся с рассказами и трофеями. — Эйфорос указал на Ксантина, принявшего у раба кубок с вином, густым, как кровь.

Подержав пару мгновений сосуд в руке, он поднял его в приветствии Эйфоросу.

— Приношу свои искреннейшие извинения, мой господин. Я могу лишь пасть ниц пред твоим могуществом, моля о прощении за неудачу. Я позволил Киру погибнуть.

— Неудачу? — воскликнул Эйфорос, добавив в голос отческой теплоты. — Это я потерпел неудачу, мой мальчик. Мне следовало думать головой, прежде чем доверять завершающий удар Киру. А теперь пей!

Ксантин поднес кубок к губам и залпом его осушил — приторно-сладкий напиток обволок язык, скользнул глотку в издевательской пародии на единение со Съянт. Но демонесса так и не дала о себе знать в его сознании. Ксантину уже начинало не хватать ее касания.

— Мне следовало поручить командование тебе, мой мальчик, — продолжал Эйфорос. — Ты так и остался воином старого легиона. Ты владеешь скрытым клинком с куда большим мастерством и точностью, чем

любой из нас. — Предводитель широко улыбнулся: — Чем любой из нас... кроме меня.

Ксантин почувствовал, как от холода, расплзающегося по венам, по коже забегали мурашки. Его парные сердца замедлились, руки отяжелели.

— Понравилось вино, Ксантин? Воистину редкой выдержки, готовится исключительно личными служанками Младшего бога. Оно обостряет чувства, но парализует тело. Даже столь прекрасное, как твое, насыщенное бесчисленными душами, не способно устоять перед его мощью. Умолчу, чем мне пришлось пожертвовать ради такого напитка, но, уверяю тебя, ты поистине благословлен, мой мальчик.

Эйфорос подошел в упор, наклонился и провел острием драгоценного кинжала вдоль подбородка Ксантина.

Попытка заговорить не увенчалась успехом — из парализованной глотки вырвался лишь нечленораздельный рык.

— Знаешь, почему я выбрал Кира командовать скрытым клинком, Ксантин? Потому что я мог ему доверять. Простак, шумный глупец, безнадежно пристрастившийся к ощущениям, Эпиал, тем не менее, был готов исполнить любой мой приказ — стоило лишь потакать его изменным страстям. Но ты не таков. — Теперь Эйфорос активно жестикулировал, обращаясь не только к Ксантину, но и к потрясенным гостям банкета, ловящим каждое слово в ожидании следующего шага их повелителя.

— Альдари что-то нашли на Каллиопе — нечто древнее и прекрасное, нечто совершенное. Они сковали его, пленили, поработили. — Эйфорос недобро прищурился. — Сейчас легион Абаддона — самая могучая сила в Галактике. А достойное подношение обеспечило бы мне место по правую руку магистра войны, — сказал он и указал на копьё. — Но ты осквернил мой дар, не так ли, мой мальчик? И потому, если он не достался мне...

Военачальник спрятал кинжал и поднял саблю, развернув зеркально-черное лезвие так, чтобы одним взмахом перерубить Ксантину горло.

Эйфороса сбilo с ног акустическим взрывом и бросило через банкетный стол. Вависк стоял на ногах с бластером наперевес, и Ксантин взглянул в лицо своего спасителя.

И тогда ему открылась вся правда.

Это Вависк освободил его переломанные ноги из-под завала в Городе Гимнов. Это Вависк поддерживал его на пути к эвакуационному челноку. Это Вависк, обладавший в те времена благородными чертами, осадил младшего по званию Эйфороса, когда тот заупрямился.

«Оставь, его, Вависк!» — закричал тогда Эйфорос, а мир вокруг умирал.

Вависк. Его капитан. Его брат.

«Ах, — вздохнула Съант, внезапно вспыхнув в его разуме ослепительно прекрасной звездой. — Как давно я не ощущала... подобно».

Воспоминания Ксантина насытили Съант, изголодавшуюся в плену по ощущениям. Его веки, затрепетав, раскрылись, конечности свело судорогой, пока демонесса своей мощью вычищала из организма яд. Ксантин поднялся с кресла и подхватил со стола копьё.

Эйфорос с трудом встал и попятился от своего внезапно ожившего подчиненного, его черные глаза

излучали смятение.

— Я слышал тот же зов, что и ты, Ксантин! — крикнул Эйфорос. — Я никому не сказал, что скрывается в храме — ни тебе, ни Киру, ни даже Горенну. Я и сам не знал, но я слышал его песнь, горестную и неизмеримо могучую. Теперь оно поселилось в тебе.

«Ложь», — прошептала Сьянт, слова разнеслись в разуме благозвучным эхом. — **Я пела только для тебя, Ксантин. Для нас».**

Ксантин встряхнул головой. Тон Эйфороса, только что молящий, вдруг налился желчью.

— Так много душ ты пожрал, Ксантин, но знай, даже столь отъявленный проглот, как ты, этой душой непременно подавится.

Военачальник метнулся вперед в попытке нанести смертельный удар, однако его черная сабля наткнулась на серебряное копьё Ксантина. Оба воина Детей Императора раз за разом отлетали в разные стороны и снова сходились. Сталкивающиеся клинки сыпали искрами и с шипением исходили дымом в затхлом воздухе Живого музея.

Они сражались, как во времена до падения легиона, не без извращенного удовольствия отметил про себя Ксантин: оба демонстрировали совершенное владение клинком, не утратив и грана мастерства даже спустя так много столетий. Но, если Эйфорос уже начал уставать, Ксантин лишь сейчас избавился от яда — его пагубное воздействие на нервы и мышцы уступило место безупречной мощи Сьянт.

Ксантин усилил натиск, вынудив Эйфороса оставить попытки атаковать и сосредоточиться на отражении выпадов копьё. Военачальник отбивался, пока наконец не сумел остановить острие плоской стороной сабли за миг до смертельного удара в горло.

— Она поглотит тебя, Ксантин, — сказал Эйфорос хриплым от напряжения голосом, с трудом удерживая копьё.

«Скрытый клинок», — прошептала Сьянт.

И тогда Ксантин пустил в ход свой фальшион, который сжимал в левой руке, исполнив обратный взмах с нечеловеческой скоростью. Лезвие рассекло челюсть Эйфороса до затылка. Верхняя часть его головы закувыркалась по пиршественному столу и остановилось зубами вверх на позолоченном подносе, лицом к отрубленной голове Кира — идеальный символ единства противоположностей. Розовые ошметки мозга и брызги маслянистой крови послужили блюду украшением.

Гости банкета подняли чудовищный гвалт: над столом загрели кровожадные вопли, возмущенные предательством возгласы, крики боли и наслаждения, но Ксантин не обращал на шум внимания. Он полностью отдался Сьянт. Свита Эпиала и верные Эйфоросу воины разразились бранью и бросились с оружием на Ксантина. Демонесса, управляя его телом, перебила их всех. Одним ударом она выпотрошила мутанта в доспехе Черного Легиона с хитиновой клешней вместо левой руки. Сурелион Вантир из первоначального состава III легиона пал, пронзенный сразу сквозь оба сердца копьём и мечом.

Ксантин и не подозревал, что способен двигаться столь стремительно. Под водительством Сьянт он рубил и колол, пока копьё не превратилось в сплошную серебристую дымку, время от времени взрывающуюся фонтанами темно-алой крови. Рабы побежали и тут же были вырезаны, сервиторы, так и не осознав своими усеченными мозгами всей полноты опасности, в которой оказались, рухнули,

разрубленные напополам.

Резня продолжалась, пока Ксантин не остался на помосте один, держа копьё за спиной наподобие скорпионьего хвоста, хватая воздух, как умирающий пес. Вокруг него лежали тела братьев и соратников: Дети Императора, Черные Легионеры, еретики всех мастей. Выжила лишь горстка. Вависк с бесстрастным полукибернетическим лицом. Баронет, как всегда, хихикал над картинами бойни. И Каран Тун тоже — дьяволист разглядывал погром с многозначительной миной ученого.

Помост совершенно опустел — на троне полумертвой банды остался один лишь Ксантин. Наконец-то.

Но не совсем один. В его голове звучала сладчайшая музыка, которую ему когда-либо доводилось слышать: как будто кто-то напевал ему секреты Вселенной, как будто хоры Младшего бога пели лишь для него одного.

Сьянт смеялась. Он сам смеялся. Его голос гремел по всему залу. От каждого раската на пиршественном столе дребезжала костяная посуда и шатались картины на стенах. Бархатная обивка кресел и лежаков насквозь пропиталась кровью.

«Посмотри, чего мы можем достичь, Ксантин. Войско — твое, стоит лишь протянуть руку. Твой легион, снова свободный — совершенное творение несовершенного существа».

— Узрите меня, мои братья и рабы! Я есть совершенство! Мы есть совершенство! Мы — Третий, и мы больше не станем пресмыкаться перед нашими убийцами.

Ксантин и Сьянт взревели в унисон.

— Феникс восстанет!

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Союз_за_гранью_совершенства_/_A_More_Perfect_Union_\(рассказ\)&oldid=22712](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Союз_за_гранью_совершенства_/_A_More_Perfect_Union_(рассказ)&oldid=22712)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 апреля 2023 в 06:56.